

Ф. КАЗАНСКИЙ

65.32

К 142

О СТРУКТУРЕ И ДИНАМИКЕ КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ НА УРАЛЕ

Оттиск из журнала
„УРАЛЬСКИЙ КОММУНИСТ“
№ 26-27 1927

СВЕРДЛОВСК — 1927

Б 1037597 - ко 7

13 Jan 64

29/iii-68

19/ii-69

12/iii

8/ii

18/i-70

5/i 86

4/ix 86

18/v 88

16/v 89

65.32
К142

Ф. КАЗАНСКИЙ

О СТРУКТУРЕ и ДИНАМИКЕ КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ НА УРАЛЕ

Оттиск из журнала
„УРАЛЬСКИЙ КОММУНИСТ“
№ 26—27 1927

БИБЛИОТЕКА

564
32

15.5.1037594
[К.К.]

Уралобллит № 4078.

Тираж 100.

Свердловск, «Уралполиграф», типография «Гранит». Заказ № 6932.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ
Библиотека
им. В. Г. Балинского
г. Свердловск

О структуре и динамике крестьянских хозяйств на Урале.

Насколько значителен по своим размерам и по своей социальной роли *капиталистический* сектор в сельско-хозяйственном производстве Урала и какую эволюцию претерпевал этот сектор в условиях до-советской и советской экономики? Вот вопросы, разрешение которых играет большую роль для правильного подхода к политике партии в деревне и критики оппозиционной линии в этих вопросах.

Для более или менее точного и исчерпывающего ответа на эти вопросы наша статистическая наука и практика не располагают пока достаточными данными.

Прежде всего, самое *установление группировочных признаков*, по которым бы можно было совершенно объективно и бесспорно выделять капиталистические слои в пестром и сложном составе крестьянской массы, до сих пор является предметом жарких споров и среди исследователей и среди практических работников *).

Считается, что старые методы группировки крестьянских хозяйств — по посеву, по скоту и по другим *натуральным экономическим признакам* — не выявляют социально-классовой структуры деревни, а дают лишь суррогат классовой группировки. Есть сторонники группировок *по доходности, по размерам средств производства, по отношению к рынку, по производственным отношениям*. Ведутся ожесточенные споры

*) Даже самые понятия, которыми обычно пользуются для выделения эксплуататорской верхушки деревни («капиталистические», «предпринимательские» элементы, кулаки, зажиточные) способны вызвать большие разногласия. В частности, термины «предпринимательское» или «мелко-капиталистическое» крестьянское хозяйство до сих пор считались почти синонимами, а вот тов. Гайстеру в его работе по классовому расслоению зачем то понадобилось обозначить термином «предприниматели» преобладающую часть середняцкой массы крестьянства (мелких самостоятельных товаропроизводителей), что способно внести сумбур в головы читателей. На этом, между прочим, сыграла троцкистская оппозиция и в своих контр-тезисах (см. «Дискуссионный листок, № 3», «Правда» от 5 ноября) взяла да присоединила, ничто же сумняшеся, эти в своей массе середняцкие элементы к капиталистической верхушке, мотивируя это тем, что они-де «растут» к капитализму. В результате, конечно, и получилась совершенно невероятная, извращенная картина нынешней советской деревни: так, например, у нас на Урале получилось 24,7% «зжиточных» хозяйств?! (оппозиция и здесь жонглирует понятиями, считая всех зажиточных капиталистической верхушкой). Не забудьте, что это относится к обследованию 1924 г.; с тех пор, за 3½ года, мы на Урале несомненно имели значительный рост зажиточного крестьянства. Следовательно, если рассуждать по оппозиционному, сейчас мы на Урале имеем, примерно, 40, а может быть и все 50 процентов «капиталистической верхушки». Ведь, это явный абсурд! Никто, хоть немножко знающий уральскую деревню, такой чепухе не поверит.

о методах группировок, и до сих пор нет еще необходимой договоренности о том, что-же, наконец, класть в основу распределения крестьянских хозяйств по основным социально-классовым типам; до сих пор мы не имеем опыта таких группировок, которые бы способны были устранить разногласия и установить единство методологии.

Методы группировки *по производственным отношениям* (по найму и отчуждению рабочей силы, средств производства, земли, по кредитным отношениям), повидимому, считаются сейчас более правильно и непосредственно отвечающими на вопрос, чем какие-либо другие группировки. Но в области практического применения этих методов мы еще пока находимся в периоде исканий. *Наличие* того или иного типологического признака—найма рабочей силы, аренды земли, скота или инвентаря—далеко еще недостаточно для того, чтобы сказать: мы имеем здесь дело с *капиталистического* типа хозяйством. Во многих случаях недостаточно бывает *одного лишь наличия* признака или сочетания ряда признаков, надо в каждом отдельном случае дать *социальную оценку* этих признаков, и затем надо иметь какой-то количественный минимум, переходя который мы получаем уже *иной тип* хозяйства. Количество здесь сплошь и рядом переходит в качество. При крайней неопределенности и спорности целого ряда вопросов изучения классов в крестьянстве мы попадаем в чрезвычайно трудное положение при анализе классовой структуры деревни, при изучении динамических процессов в крестьянстве. Жизнь от нас настойчиво требует срочного и категорического ответа, а мы спорим еще о том, где и как находить этот ответ.

Допустим, что нам удастся найти достаточно правильный метод выявления классовых групп в крестьянстве, технические вполне преодолимый, по этому методу можно будет познать *классовую структуру* деревни; но нам надо знать не только структуру, а и *динамические процессы* в деревне за более или менее длительный период; ибо только за длительный период можно проследить устойчивые тенденции классовых передвижек. А для этого должен быть накоплен за эти годы достаточно обширный, вполне сопоставимый материал, собранный по единому методу.

Вот почему, не отказываясь от исканий более совершенных методов, от исследовательской опытной работы, пока-что, приходится, иногда по-неволе, пользоваться старыми суррогатными методами, упрощенными приемами выявления экономических, а на основе их и классовых групп в крестьянстве.

Как ни груб *метод посевных и лошадных группировок*, все же им не без успеха до сих пор пользовались и до поры до времени, очевидно, придется пользоваться, обставляя его использование целым рядом необходимых оговорок, крайне осторожно делая по этому методу какие-либо распространительные выводы.

Я лично полагаю, что если мы имеем дело при анализе структуры и динамики деревни с районами *типично-земледельческими*, слабо промысловыми, с районами экстенсивно-зернового хозяйства без резких различий в формах хозяйствования,—то размер посевной площади и обеспеченность рабочим скотом, без грубых ошибок могут быть приняты за основные группировочные признаки для выявления экономических групп в крестьянстве, а косвенно и классовых групп. В прошлом почти по каждому из земледельческих районов за тот или иной год у нас имеются аналогичные группировки (посевные и лошадные), а это обстоятельство представляется нам очень существенным, чтоб на

основании сопоставимых данных получить правильную картину основных устойчивых тенденций и динамики в расстановке экономических и социальных сил деревни.

Со всеми необходимыми оговорками попытаемся на основании анализа посевных, а отчасти и лошадных группировок, за длительные сроки, дать ответ на вопрос, какие экономические процессы в различных слоях крестьянства происходили и происходят у нас на Урале, как изменяется соотношение основных слоев деревни.

Возьмем старые земские статистические материалы по Уралу за 1900-ый год и посмотрим, каково было лицо уральской деревни 27 лет тому назад, и сопоставим с тем, что мы имеем сейчас. Там, где это будет возможно, мы будем брать для сопоставления данные за 1916, за 1920-й год, когда у нас производились сплошные с.-х. переписи. Возьмем для такого сопоставления территорию бывшего Шадринского уезда, как наиболее среднего типично-земледельческого уезда на Урале. В 1900 году там было произведено земством сплошное подворное обследование и на основании собранного материала была сделана группировка хозяйств по признакам посевности и лошадности.

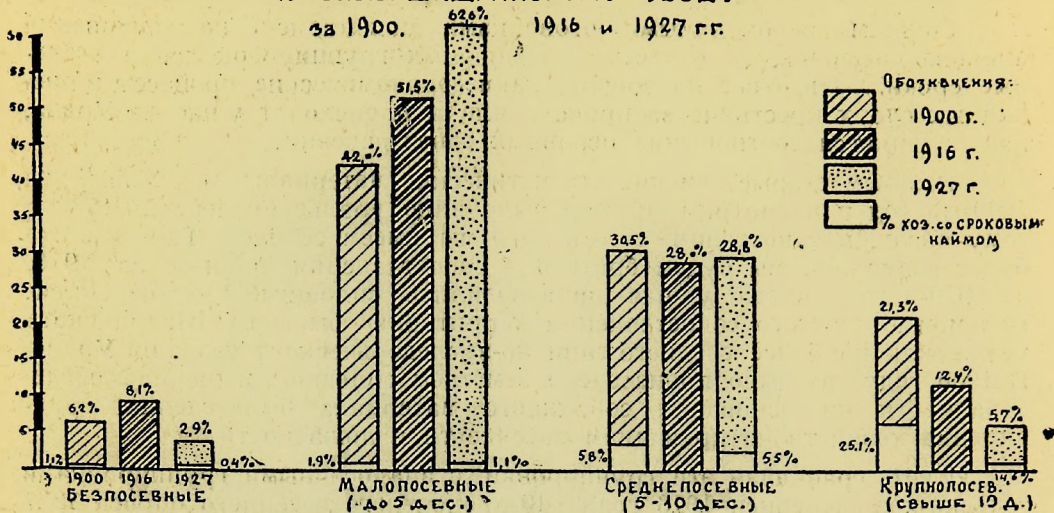
И вот, сравнивая эти группировки с аналогичными группировками сельско-хоз. переписи 1916 года и 10-процентного весеннего опроса 1927 года (по той же самой территории б. Шадринского уезда), мы получаем такую картину (дробные посевные группы свернуты нами в 3 более крупных посевных группы, причем взятые нами интервалы по посеву мы считаем для Шадринского уезда наиболее правильно выделяющими средне-посевную часть крестьянства*).

Посевные группы	% хозяйств к общему итогу			% хозяйств со сроковым наймом для с/хов. по от- ношению к соот- вет. посев. группе		% хозяйств с наймом сроков ра- бочих к общему итогу	
	1900 г.	1916 г.	1927 г.	1900 г.	1927 г.	1900 г.	1927 г.
I. Беспосевные	6,2	8,1	2,9	1,1	0,4	0,8	0,4
II. Малопосевн. (до 5 дес.)	42,0	51,5	62,6	1,9	1,1	9,9	22,8
III. Среднепосевн. (5-10 дес.)	30,5	28,0	28,8	5,8	5,5	22,2	50,4
IV. Крупнопосевн. (свыше 10 десят)	21,3	12,4	5,7	25,1	14,6	67,1	26,4
Итого	100	100	100	8,0	3,2	100	100

*) См. нашу работу «Социальные группы и экономические группировки в современной уральской деревне». Журнал «На аграрном фронте», 1926 г., № 5-6, стр. 145-174.

ГРУППИРОВКА ХОЗЯЙСТВ ПО ПОСЕВУ И СРОКОВОЙ НАЕМ

по бывш. ШАДРИНСКОМУ УЕЗДУ
за 1900, 1916 и 1927 гг.

Из этой таблички видно, что по б. Шадринскому уезду в 1900 г. мы имели значительную дифференцированность крестьянства: группа *крупнопосевных* хозяйств (свыше 10 дес.) составляла более $\frac{1}{5}$ всех дворов, в ее руках было сосредоточено очень ровно 50% всей посевной площади уезда, 44% всех рабочих лошадей. В среднем на каждое из хозяйств этой многопосевной группы приходилось 16 дес. посева и около 5 раб. лошадей. Для характеристики социальной природы этой группы в таблице приведены цифры о сроковом найме: оказывается, что среди этих многопосевных хозяйств было 25% хозяйств с наименьшим сроком рабочих для сельского хозяйства, помимо того 9% хозяйств этой группы пользовалось наемным трудом для торгово-промышленных занятий. Многие хозяйства этой группы имели по 2—3 и более батраков; из общего числа батраков в уезде свыше 70% батраков находилось у этих многопосевщиков. Показательным признаком социальной сущности этих хозяйств может служить также процент хозяйств, арендовавших чужую землю — таких было 82%, в их руках концентрировалось 67% всей арендуемой по уезду площади. Конечно, отсюда еще нельзя делать вывода, что вся эта группа (21% хозяйств) должна быть зачислена в кулацкие, эксплуататорские хозяйства, но все же, повидимому, процент мелко-капиталистического типа хозяйств в Шадринском уезде 27 лет тому назад был не мал (часть их находилась, очевидно, и в других посевных группах, что подтверждается тем, что срочные рабочие при наличии аренды земли и торгово-промышленные заведения были и в хозяйствах низших посевных групп).

На другом полюсе в 1900 году находилась численно тоже не малая группа беспосевных, сплошь безлошадных, в значительной своей части батрацких хозяйств — 6,2%. Процент безлошадных по уезду был равен 14,5%. Все эти цифры достаточно убедительно говорят, что на территории б. Шадринского уезда 27 лет тому назад, помимо среднего крестьянства, мы имели резко выраженные два типа крестьянских хозяйств: многочисленную, экономически сильную, высоко-товарную,

мелко-капиталистическую верхушку и еще более значительную часть — батрацкую и полупролетарскую бедняцкую массу.

А что мы видим сейчас, в новых условиях советского строя?

Таблица показывает, как сильно растаяла бывшая деревенская верхушка: вместо 21,3% многопосевных хозяйств к 1927 году на той же самой территории уезда осталось только 5,7%. В 1916 году, когда уже сильно сказались результаты войны и разрухи, мы видим общее снижение благосостояния деревни, в том числе значительное понижение крупно-посевной группы, хотя экономическая мощь ее, при наличии в нее почти тех же средств производства, относительно не ослабела. (См. группировку по рабоч. скоту, которая показывает значительно меньшее снижение).

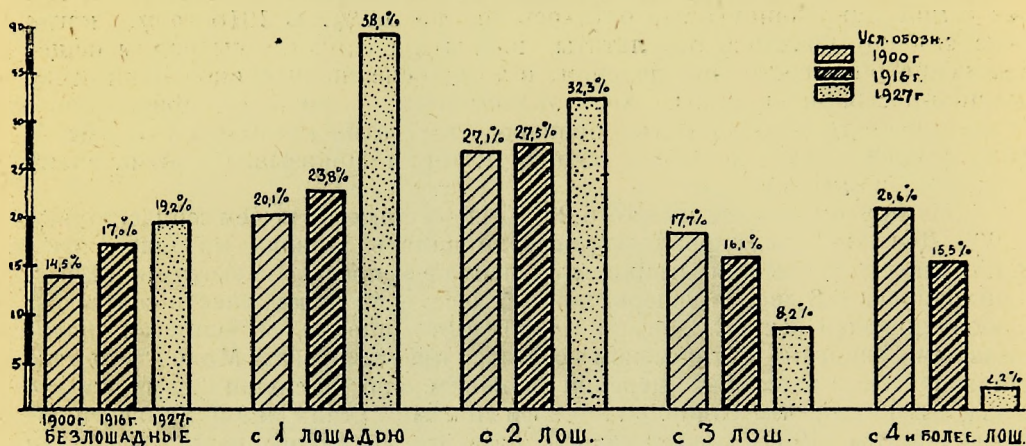
На другом полюсе вместо 6,2% беспосевных мы имеем сейчас только 2,9%. Деревня нивелировалась, осереднячилась. Правда, на ряду с этим на хозяйство в среднем приходится меньше и посева, и скота; в 1900 г. приходилось 6,8 дес., а теперь около 5 дес., если даже учесть сокрытие; рабоч. лошадей было 2,3, стало 1,4. Все это вполне объясняется значительными сдвигами в классовом составе крестьянства. Мало того, что многопосевная верхушка деревни относительно уменьшилась почти в 4 раза, мы видим, что социальная ее физиономия стала иная: приведенные выше цифры 1900 года показали нам, что мы в этой верхушке имели в значительной части предпринимательские, кулацкие элементы. Теперь это уже во многом не та верхушка: в руках ее сосредоточено 16% всего посева (вместо бывших 50%); в среднем на хозяйство приходится 12,6 дес. посева и около 3 раб. лошадей. Процент хозяйств, прибегающих к сроковому найму, вместо 25% стал только 14,6%, при чем в нынешних многопосевных хозяйствах сосредоточивается сейчас немного более $\frac{1}{4}$ части всех сроковых рабочих; остальная масса рабочих (50%) находится в найме у средне-посевщиков. Целый ряд статистических данных говорит, что самые основания найма стали иными, чем это было прежде: к найму в целом ряде случаев прибегают хозяйства с ненормальным составом своей собственной семьи (много детей — мало или даже нет работников, сами уходят на заработки и вместо себя временно принимают); срок найма стал гораздо короче, изменился половой и возрастной состав наемных рабочих (стало много женщин для домашней работы, особенно много подростков в качестве бороноволоков). Правда, в числе нанимающих хозяйств есть немало настоящих типично-предпринимательских хозяйств, у которых наем батраков сопровождается более или менее значительной арендой чужой земли, капиталистическим использованием машин. Но % таких хозяйств в данном районе очень невелик.

Дополним приведенную выше по б. Шадринскому уезду посевную группировку группировкой по рабочим лошадям.

Группы хозяйств по рабочим лошадям	°/о хозяйств к общему итогу		
	1900 г.	1916 г.	1927 г.
Безлошадные	14,5	17,1	19,2
С 1 лошадью	20,1	23,8	33,1
С 2 лошадьми	27,1	27,5	32,3
С 3 »	17,7	16,1	8,2
С 4 » и более	20,6	15,5	2,2
Итого	100	100	100

ГРУППИРОВКА ХОЗЯЙСТВ ПО РАБОЧИМ ЛОШАДЯМ по бывш Шадринскому уезду за 1900, 1916 и 1927 г.г

И здесь мы видим убедительное доказательство того, насколько сейчас перед нами иная деревня, чем она была в период капиталистического строя. Советская деревня—это осередняченная деревня, с значительно ослабленной (в 3—4 раза) верхушкой.

И, если мы все же имеем сейчас значительный процент безлошадного крестьянства и увеличившийся % однолошадников, то это проклятое наследие прошлого и тех тяжелых лет, которые пришлось нам пережить в первые годы строительства. Другие цифры покажут нам, как мы, хотя и медленно, но неуклонно изживаем это наследие.

Правда, на протяжении последних лет на фоне общего под'ема деревни мы видим довольно заметный рост многопосевных хозяйств, рост сroкового найма, рост аренды земли,—но в абсолютных цифрах все это значительно куда ниже того, что мы имели в деревне не только 27 лет тому назад, но даже в период войны и разрухи 1916 года. И говорить сейчас о каком либо восстановлении бывлой классовой расстановки сил в деревне, о сосредоточении большей части средств производства у количественно мощной «капиталистической верхушки» крестьянства, как это утверждает оппозиция в отношении и Урала, и в целом всего Союза,—это значит совершенно не знать ни деревню старого капиталистического строя, ни новую советскую деревню.

Нынешняя деревня по ее социальному облику в значительной своей массе осередняченная деревня. Правда, хозяйственное благосостояние этой средняцкой массы в результате пережитых тяжелых лет пока еще не высоко, и мы не обладаем сейчас такими возможностями, чтобы рассчитывать на сильное и быстрое повышение производительных сил деревни и вместе с тем на рост благосостояния основных трудовых масс деревни в ближайшие же 2-3 года. Несомненно рост этот будет, он учитывается в пятилетках и в генеральном плане, но показатели этого роста не так велики, как бы нам это хотелось видеть: мы не располагаем пока теми колоссальными материальными ресурсами, какие нам нужны для полной реорганизации сельского хозяйства, для значитель-

ного под'ема богатства деревни. Главное, на что мы ориентируемся,— это при общем росте производительных сил деревни, при повышении благосостояния бедняцко-средняцких масс, в то же время постепенно переводить все наше сельское хозяйство на коллективные начала, не допускать усиления капиталистических элементов в деревне. И эта директива нашей партии, в особенности за последние 2 года, поскольку об этом можно судить на основании целого ряда фактов и цифр как по СССР, так и по Уралу, несомненно проводится в жизнь и дает свои положительные результаты.

* * *

Я приведу еще несколько цифр и табличек, которые косвенно доказывают, что мы не имеем в уральской деревне того «классического» типа расслоения, при котором середняцкая масса рассасывалась бы к обоим полюсам, увеличивая удельный вес бедняцких слоев, с одной стороны, и зажиточно-кулацких—с другой, как это утверждает оппозиция. У нас нет пока *прямых* данных о динамике *классовых* групп крестьянства, ибо, как мы сказали, до сих пор еще нет бесспорных, вполне объективных способов группировки крестьянства на такие *классовые* слои*). При наличии у нас посевных и лошадных группировок, мы *косвенно* можем наблюдать какие именно процессы совершаются в нашей деревне, какие социально классовые передвижки происходят в крестьянстве.

Что же говорят эти цифры?

Возьмем для сравнения 1916-й год и нынешний 1927-й год в границах бывшей Пермской губернии. Несмотря на то, что 1916 год не достаточно типичен для изучения довоенной социально-экономической структуры крестьянства мы все же не имеем никакой другой отправной базы для сравнения нынешней советской деревни с довоенной капиталистической деревней. Вот что дает это сопоставление этих 2 лет:

Посевные группы	% хоз-в к общ. итогу		Группы по раб. лошадям	% хоз-в к общ. итогу	
	В 1916 г.	В 1927 г.		В 1916 г.	В 1927 г.
Беспосевные	21,9	14,2	Без рабоч. лош.	25,8	25,2
Малопосевные (до 3 дес.) .	31,5	48,8	С 1 раб. лош.	38,9	49,7
Среднепосевн. (3—8 д.) . .	35,3	31,3	С 2 » »	22,6	19,4
Многопосевные (свыше 8 д.)	11,3	5,7	С 3 и более	12,7	5,7
И т о г о .	100	100	И т о г о .	100	100

*) Вполне соглашаясь с авторами «контрольных цифр по Союзу на 1927-28 г.» в том, что приводимая в них работа т. Гайстера по классовому расслоению страдает многими «неизбежными в этой области дефектами», что самый метод использования какой нибудь одной-двух сотен нетипичных бюджетов по одной полосе с ярко выраженными процессами дифференциации (как это имеет место в отношении Урала) для распространительных выводов «страдает существенной погрешностью»,— мы в то же время позволяем себе высказать недоумение, зачем же понадобилось в официальном документе приводить все эти крайне сомнительные расчеты тов. Гайстера из никем еще не рассмотренной, не утвержденной и не опубликованной работы?

Эти цифры говорят нам то же самое, что мы видели на примере б. Шадринского уезда: несмотря на значительный процесс дифференциации крестьянства, какой мы имели на Урале в период после 20-го года, в особенности сразу же после голода и разрухи, мы все же имеем сейчас, по сравнению с 1916 годом более нивелированную, более осередняченную деревню. Многопосевная и многолошадная верхушка деревни в своем удельном весе уменьшилась вдвое. Процент беспосевных значительно снизился, процент безлошадных тоже снизился, хотя и крайне незначительно (почти стабилен). Наряду с этим мы видим ныне по сравнению с 1916 г. в средних двух группах заметное снижение уровня благосостояния как в отношении посева, так и рабочего скота. Но социальная структура деревни ныне и 10 лет тому назад, если судить по изменению крайних флангов, очевидно, была различная.

* * *

Посмотрим, что отмечают в части эволюции посевных и лошадных групп так называемые динамические переписи на Урале, проводимые в течение 3 последних лет в целях изучения классового расслоения деревни. Мы еще не имеем пока сводных данных за 1927 год, но зато имеем вполне сравнимые данные за 1925 и 1926 годы*). Возьмем для примера из того же Шадринского округа Исетское (Шадринское) динамическое гнездо, где подвергается ежегодно подробному сплошному описанию более 1700 хозяйств. По этому гнезду по одним и тем же поселенным пунктам мною сгруппированы хозяйства по посевности и по лошадности за 4 года: 1900-й, 1916-й и за 1925 и 26 г. г. картина получается следующая:

	1900 г.	1916 г.	1925 г.	1926 г.
<i>Группы хозяйств по рабоч. скоту на 1 хоз.</i>				
Без рабоч. скота	14,5	18,1	20,7	19,4
С 1 раб. лош.	15,7	20,3	39,4	39,6
С 2 » »	25,7	28,2	31,3	31,8
С 3 » »	18,5	16,9	6,4	7,0
С 4 и более	25,6	16,5	2,2	2,2
И т о г о	100	100	100	100

<i>Группы по размеру посева на 1 хоз.</i>				
Без посева	—	7,6	1,1	1,6
С посевом до 2 дес.	—	15,0	20,0	17,3
С » 2—4 »	—	21,4	30,1	29,5
С » 4—6 »	—	18,7	24,3	25,9
С » 6—8 »	—	12,9	13,6	13,6
С » 8—10 »	—	8,6	6,3	7,1
С » 10—13 »	—	7,8	3,5	3,8
С » свыше 13 дес.	—	8,0	1,1	1,2
И т о г о	—	100	100	100

*) В ближайшие дни Уралстатуправление выпускает особую книгу, в которой приводится весь материал динамики, кончая 1926 годом.

Что показывают эти цифры?

Ту же самую эволюцию, которую мы видели по ранее приведенным таблицам б. Шадринского уезда и всей б. Пермской губернии. Многолошадные хозяйства (имеющие свыше 3 раб. лоша.) 27 лет тому назад составляли 44% всех хозяйств в гнезде, а теперь 9,2%, т. е. сокращение почти в 5 раз. Посевные группы (свыше 10 дес. на 1 хоз.) в своем удельном весе тоже уменьшились в несколько раз; даже по сравнению с 1916 годом мы видим уменьшение крестьянской верхушки в 3—4 раза. Если бы это был процесс общего понижения благосостояния деревни, сползания вниз всех посевных и лошадных групп, то на другом фланге, в составе беспосевных и безлошадных, мы имели бы процесс пролетаризации—абсолютное и относительное увеличение пролетарских элементов; однако, этого процесса, можно это определенно сказать, переписи не устанавливают; наоборот, в 1916 году мы имели здесь 7,6% беспосевных, а теперь их стало только 1,6%. В отношении процента безлошадных, также как и по б. Шадринскому уезду, мы пока не имеем сокращения, ибо это более медленный процесс и процесс могущий иметь место при гораздо большей организованной помощи безлошадникам, чем это было до начала 1926 г. Да к тому же вряд ли даже целесообразно *каждому* отдельному пролетарию, индивидуально ведущему свое карликовое крестьянское хозяйство, оказывать эту помощь путем предоставления ему лошади или индивидуального лошадного кредита, ибо лошадь в некоторых случаях может стать обузой, не принося в его карликовом хозяйстве той выгоды, которую эта же самая лошадь доставит, если ее использовать через коллектив. Н шим лозунгом в деревне должна быть не просто помощь бедняку, а *коллективная* организация этой помощи. И все же мы видим, что начиная с 26 года процент безлошадных в гнезде довольно заметно пошел на убыль, мы видим перелом.

В особенности следует обратить внимание на то, что группы, средние по посевности и по лошадности заметно растут за счет перехода в эти группы из группы маломощных хозяйств: происходит передвижка хозяйств вверх, середина растет и укрепляется, растет также и верхушка, но все же такой рост при абсолютно незначительных размерах этой верхушки (сравнительно с былым прошлым) не должен внушать нам опасений, тем более, что по одному только росту посевной площади и лошадности отнюдь нельзя заранее определить классовую природу верхушечных хозяйств. Возможно, что здесь мы имеем типично трудовые хозяйства, без наличия предпринимательских элементов; тем более, что Шадринский район не относится к районам с значительным развитием срокового найма (в 1926 г., по данным динамики, нанимало сроковых рабочих 3,9% всех хозяйств). По этому показателю производственных отношений в гнезде можно видеть, насколько современная советская деревня отличается от старой капиталистической деревни. В 1900 году мы имели в нашем гнезде 8% хозяйств со сроковым наймом, в 1917 году—в период разрухи, войны—2,6%, в 1920 г. у процент этот опускается даже до 0,3%, с момента новой экономической политики начинается заметный рост отношений найма: в 1925 г. мы видим 1,3% хозяйств нанимающих сроковых рабочих, в 1926 году уже 3,9% *).

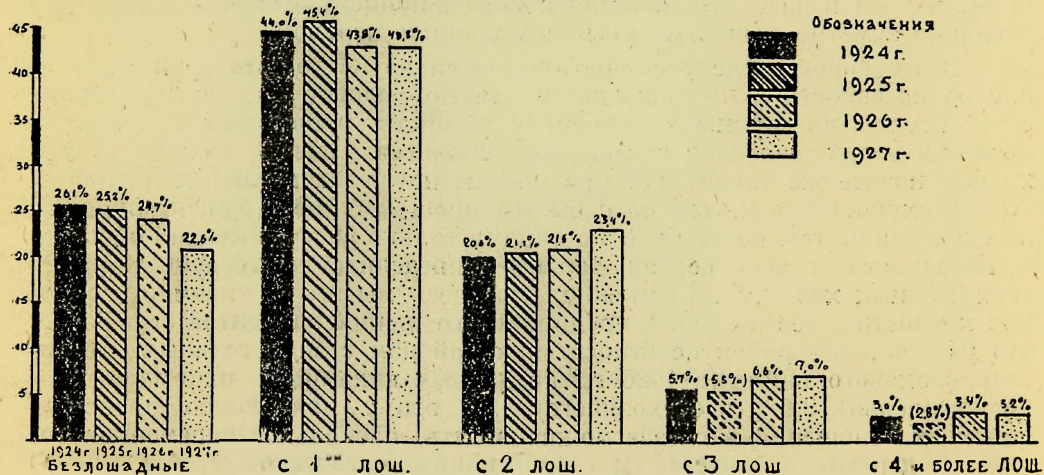
---

*) Есть основания полагать, что в действительности за 1925-26 год мы имеем гораздо меньший рост срокового найма, так как при опросе хозяйств в 1925 г. обнаружено было много случаев скрытого найма, чего в 26 г., повидному, или совсем не было или во всяком случае было гораздо меньше.

Приведем по данным весенних опросов за 4 последние года по Уралу в целом группировку хозяйств по количеству рабочих лошадей на 1 хозяйство.

Группировки хозяйств по рабоч. лошадям	Проп. хозяйств к общему итогу			
	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
Безлошадные	26,1	25,2	24,7	22,6
С 1 раб. лош.	44,6	45,4	43,8	43,8
С 2 » »	20,6	21,1	21,5	23,4
С 3 » »	5,7	(5,5)*	6,6	7,0
С 4 и более	3,0	(2,8)*	3,4	3,2
И т о г о	100	100	100	100

ГРУППИРОВКА ХОЗЯЙСТВ ПО РАБОЧИМ ЛОШАДЯМ по УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ за 1924-27 гг.

Ту же самую картину мы видим по всем полосам Урала: количество безлошадников, хотя и медленно, но неуклонно уменьшается при наличии роста середины и несколько замедленного темпа роста многолошадников.

* * *

Из всех трех десятков динамических гнезд на Урале, в которых ежегодно производится опрос всех хозяйств, имеются два гнезда, где

*) Цифры, повидимому, преуменьшены против действительности

мы имеем наибольшую дифференцированность крестьянства, максимальный процент хозяйств со сроком найма. Это степное гнездо Троицкого округа, где в 1926-27 г. было 23,2% хозяйств со сроковыми рабочими и Макушинское—Курганского округа с 23,0% хозяйств со сроком найма. Посмотрим, какую перегруппировку экономических слоев мы имеем за 4 истекших года в одном из этих гнезд—в Макушинском.

Необходимо оговориться, что мы могли произвести подсчет пока лишь по посевным группам, и потому каких-либо распространительных выводов из анализа этих посевных группировок на классовые слои деревни, а тем более на другие районы Урала, делать ни в коем случае нельзя. Приводимая ниже посевная группировка за 4 года, как суррогат социально-классовой группировки, может дать нам лишь очень грубую ориентировку в расстановке экономических слоев в данном районе и общие тенденции в перегруппировке сил.

Ниже приводим табличку разбивки хозяйств по посевным группам за 4 последние года. Количество хозяйств в 1924 году было 1.009, а в 1927 г., в результате всякого рода органических и миграционных процессов, стало 1.100, т. е. имеем прирост хозяйств за 3 года на 9,1%.

Работа по самому опросу крестьянских хозяйств по бланку динамики с каждым годом улучшается, и потому довольно значительное повышение по ряду элементов сельского хозяйства (посев, наемный труд и пр.) необходимо отнести не только за счет действительного их роста, но и за счет лучшего качества работы по самому опросу; удастся вскрыть то, что до последнего времени утаивалось от статистиков-регистраторов. Это же соображение необходимо иметь ввиду и при других цифрах.

Посевные группы	% хозяйств к общему итогу за каждый год			
	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
Беспосевные	1,0	0,6	2,9	3,1
Малопос. до 4 дес. .	40,1	35,2	28,9	21,6
Среднепос. 4—10 д. .	46,1	49,3	49,3	52,7
Многопос. свыше 10 д.	12,8	14,9	18,9	22,6
Итого . . .	100	100	100	100

(Смотри диаграмму на следующей странице).

В количестве беспосевных хозяйств мы видим рост, но этот рост имеет место не столько в результате перехода в эту группу из бывш. посевщиков, сколько в результате вселения в деревню новых неземледельческих элементов, или точнее перевеса вселившихся над выселившимися. Эта численно незначительная беспосевная группа—в своей массе не крестьянская группа. Что касается перехода из беспосевных в посевные, то таких хозяйств в течение последнего 1926-27 г. мы имеем 9, и обратно—превратившихся из малопосевных в беспосевные такую же цифру—10 хоз.

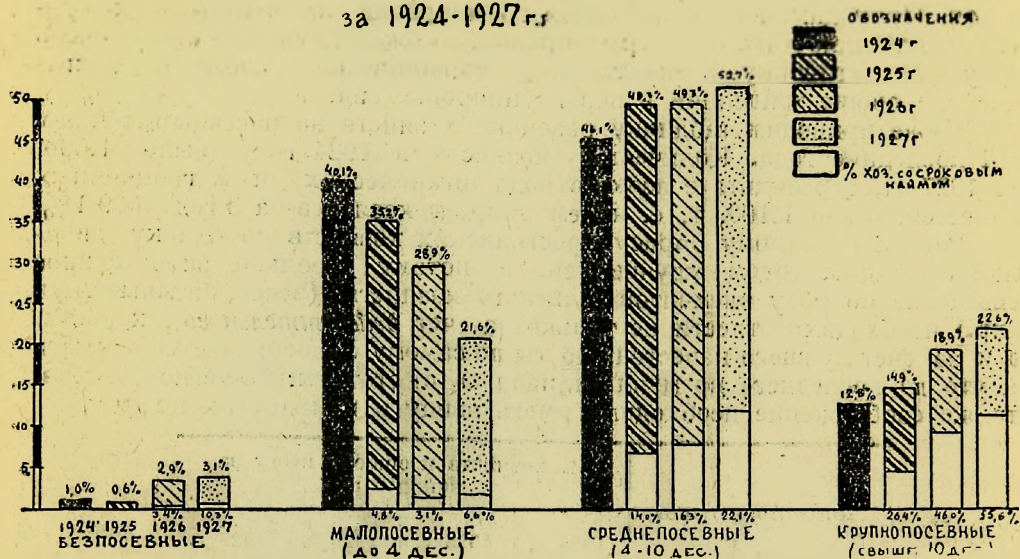
Малопосевная группа за 4 года сильно сократилась, почти вдвое, исключительно за счет перехода из нее в среднепосевную группу. Сокращение малопосевников за один только последний год выражается значительным процентом—на 23,6% всех хозяйств этой группы.

Обратный процесс мы видим со *средне-посевной* группой—ее рост за пос едний год определен в 9,6% всех среднепосевников. Еще больший относительный рост (на 21,8%) мы видим в группе *многопосевников*.

Таким образом, мы имеем в нашем гнезде общую подвижку кверху всех посевщиков, но в разной степени. В результате посевная группировка гнезда сильно изменилась за счет уменьшения маломощных хозяйств и относительного роста средне—и многопосевных, при чем последняя группа росла более быстрым темпом, чем среднепосевная.

ГРУППИРОВКА по ПОСЕВУ по МАКУШИНСКОМУ ДИНАМИЧ ГНЕЗДУ за 1924-1927 г.

Для того, чтобы иметь некоторое представление о социальном составе посевных групп, приведем табличку, которая покажет нам, в какой мере каждая из групп пользовалась за каждый год (сроковым наймом и как распределялись по посевным группам срочные рабочие*):

Посевные группы	Проц. хозяйств с наймом срочных рабочих по отношению к соответ. посевн. группе			Распределение хозяйств со срочным наймом по посевным группам в процентах к общему итогу		
	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
Беспосевных	—	3,4	10,3	—	0,6	1,3
Малопосевных, до 4 дес.	4,8	3,1	6,6	13,4	5,0	8,0
Среднепосевных, 4—10 дес.	14,0	16,3	22,1	55,6	45,8	46,6
Многопосевных свыше 10 дес.	26,4	46,0	55,6	31,1	48,6	44,1
Итого	12,5	17,8	23,7	100	100	100

*) В таблице взяты не все 100 % описанных хозяйств, а лишь те хозяйства, которые в течение года не претерпели никаких органических изменений (не делились, не соединялись, не ликвидировались). Таких хозяйств оказалось в 1925-26 году 92,6 %, а в истекшем 1926-27—92,2 %.

Как видно из этой таблицы, количество хозяйств, прибегавших к сроковому найму в нашем гнезде, довольно значительно и до последнего времени сильно росло*). За прошлый год мы имели очень большой рост срочного найма—51 проц. по отношению к количеству нанимавших хозяйств, при чем этот рост отмечается, главным образом, в двух последних группах,

За истекший год мы видим некоторое снижение темпа этого роста, —вместо 51 проц. только 33 проц., но все же рост довольно сильный; к срочному найму стали прибегать и беспосевные и особенно заметно увеличивается наем у малопосевщиков.

В частности, уже более половины малопосевщиков прибегают сейчас к срочному найму. Мало того, у многих из них к этому найму присоединяется еще более или менее значительная аренда земли. Процент хозяйств, одновременно арендующих землю и нанимающих срочных рабочих, определяется в 1927 г. в 14,8 проц. всех хозяйств гнезда.

Вместе с тем таблица показывает нам, что главная масса срочного найма концентрируется не у малопосевных хозяев, а у среднепосевников, составляющих в гнезде преобладающую часть населения.

Правда, в течение 1925-26 г. мы наблюдаем значительную передвижку удельного веса наемных рабочих от среднепосевщиков к более мощным хозяйствам. Это и понятно: при переходе в высшую посевную группу, среднепосевщики переносят с собой туда же и своих батраков. За истекший 1926-27 г. мы видим обратное явление.

Если сравнить данные к началу и к концу истекшего года по одним и тем же хозяйствам, то получится, что из общей растущей массы срочных рабочих малопосевники используют в своих хозяйствах все меньшую и меньшую долю (вместо 48,6 проц. в 1926 году 44,1 проц. в 1927 году), а остальные группы, наоборот, относительно увеличивают свою долю. Необходимо отметить, что в число срочных рабочих входят не только рабочие для сельскохозяйственных работ (батраки), но и для домашних услуг (в особенности не мало нянь—малолетних).

В общем, по Макушинскому гнезду мы имеем значительное распространение срочного найма во всех посевных группах, причем чем мощнее группа по посеву, тем большее значение имеет в ней наем.

К сожалению, посевная группировка в данном случае мало пригодна для социального анализа отношений найма и не в состоянии дать нам прямого ответа на вопрос об удельном весе хозяйств с *предпринимательским наймом* и о их эволюции.

Последний вопрос, который я намерен здесь осветить на основании данных Макушинского гнезда, это вопрос о том, каким темпом растет каждая из наших посевных групп.

В общем по 1003 хозяйствам гнезда мы имеем за последний 1926-27 год увеличение посевной площади на 13 проц., увеличение рабочего скота на 4,8 проц. и коров на 3,6 проц., но в каждой из наших посевных групп процент роста различный.

Малопосевная группа (28,9 проц. всех хозяйств к началу года) значительно увеличила свою посевную площадь—на 33 проц. (в среднем на каждое хозяйство из этой группы в начале года приходилось 2,6 дес. посева, а через год 3,4 дес.). Из 289 хозяйств этой группы 71 проц. хозяйств увеличило свой посев, 18 проц. уменьшило и 11 проц. сохра-

*) Необходимо отметить, что за два первые года мы имели некоторый проц. скрытого найма, который динамике не удалось выявить. Как велик он, конечно, судить трудно, но принимая это в расчет, надлежит уменьшить темп роста найма.

нило без всякого изменения. В результате мы имеем значительную передвижку хозяйств из этой группы в среднепосевную группу: в конце года в группе остается вместо 28,9 проц. только 21,6 проц. всех хозяйств. На ряду с этим мы имеем здесь рост рабочего скота на 31 проц. и коров на 10,2 проц.

Среднепосевная группа (49,3 проц. всех хозяйств к началу года) тоже увеличила свою посевную площадь, но уже в меньшей мере, всего на 13,2 проц. (на хозяйство в начале года приходилось 6,7 дес., в конце года 7,6 дес.). Из всех 503 хозяйств этой группы увеличение посева имеет место у 72 проц. хозяйств, сокращение у 22 проц. и стабильность у 6 проц. В результате всех передвижек хозяйств из группы в группу к концу года мы имеем рост числа хозяйств этой группы (52,7 проц. вместо 49,3 проц.). На ряду с этим отмечается рост в группе числа рабоч. лошадей на 2,4 проц. и коров на 3,2 проц.

И, наконец, *многопосевная* группа (182 хоз.=18,9 проц. всех хозяйств гнезда к началу года). Здесь мы имеем тоже рост посевной площади, но в отличие от двух других групп совсем незначительный—4,4 проц. (было на хозяйство 13,4 дес., стало 14,0). Процент хозяйств, увеличивших посев, здесь тоже не мал—63 проц., уменьшило посев 32 проц. и стабильность у 5 проц. В отношении рабочего скота мы имеем сокращение на 1,7 проц. коров—тоже сокращение на 2 проц. В результате всех передвижек вверх и вниз (гл. образом, конечно, передвижки из среднепосевников в многопосевники) вместо 182 многопосевных хоз. стало 235 хозяйств (22,6 проц. всех хозяйств вместо 18,9 проц.).

Мы нарочно с большой подробностью остановились на анализе эволюции посевных групп Макушинского гнезда, чтобы на этом примере показать *как в районе с наибольшей социально-экономической дифференцированностью* при общем росте всех основных элементов сельского хозяйства происходит: 1) значительный подъем благосостояния маломощных хозяйств, 2) усиление удельного веса средних групп, тоже на ряду с ростом их благосостояния и 3) довольно сильный рост многопосевной верхушки за счет перехода в нее хозяйств из средних групп, но при некоторой стабильности основных сельско-хозяйственных показателей у основного ядра многопосевников.

Мы оговариваем я еще и еще раз, что при своем анализе мы имеем дело только с *посевными* группами одного из самых мощных районов Урала, и перенесение выводов на иные социально-классовые слои и на другие районы без достаточных к тому оснований было-бы неправильно, и исказило бы действительное положение вещей.

В заключение мы полагаем, что в борьбе с оппозицией, чрезмерно преувеличивающей рост капиталистических элементов в нашей деревенской экономике, не желающей видеть под'ема благосостояния маломощных групп деревни и усиления удельного веса средних слоев,—приведенные выше данные о структуре и динамике экономических групп уральской деревни в период капитализма и при советской власти могут послужить убедительными аргументами в защиту позиции нашей партии и против демагогических, беспочвенных разглагольствований троцкистской оппозиции.

БИБЛИОТЕКА
МЕЖДУНАРОДНОЙ ДЕТЕТСКОЙ
ШКОЛЫ

